

УДК 94 (571.53) «1918/20»

ББК 63.3(2)612(28-83Ирк.)

DOI 10.31554/2222-9175-2018-31-45-55

В. П. Шахеров

**МЕЖДУ КОЛЧАКОМ И СОВЕТАМИ: К ВОПРОСУ
О ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИРКУТСКОГО ПОЛИТЦЕНТРА**

Впервые в сибирской историографии рассматриваются вопросы финансовых преобразований, произошедших в сложный период перехода власти от Колчака к левобуржуазному правительству Политцентра и, далее, к первым мероприятиям Советской власти. Отмечается стремительность этих процессов, занявших всего несколько месяцев в начале 1920 г. Особое внимание уделено деятельности А. И. Погребецкого, возглавлявшего финансовое ведомство Политцентра. Приводятся сведения о первых шагах деятельности вновь созданных органов Советской власти по реформированию финансово-кредитной системы в Иркутской губернии.

Ключевые слова: Иркутск, Политцентр, губернский революционный комитет, Гражданская война, Дальневосточная республика, финансовая деятельность, золотой эшелон.

V. P. Shakherov

**BETWEEN KOLCHAK AND THE SOVIETS: TOWARD THE
QUESTION OF THE FINANCIAL ACTIVITIES
OF THE IRKUTSK POLITICAL CENTER**

For the first time in Siberian historiography the article considers the issues of financial transformations that occurred during a difficult period of transition of power from Kolchak to the left-bourgeois government of the Political Center and, further on, to the first Soviet measures. The swiftness of these processes, which took just a few months in the early 1920, is noted. Special attention is paid to the activities of A. I. Pogrebetsky, who headed the financial Department of the Political Center. The article provides information on the first steps of the newly created Soviet governmental bodies to reform the financial and credit system in the Irkutsk province.

Keywords: Irkutsk, Political Center, provincial revolutionary committee, a Civil war, Far Eastern Republic, financial services, the Golden Echelon.

Одним из наиболее сложных и насыщенных событиями этапов гражданской войны стало установление в Иркутске власти Политического центра, приведшее к окончательному падению колчаковского режима и попытке создания модели левобуржуазного коалиционного управления, позднее

воплощенного в виде Дальневосточной республики. К кратковременной деятельности Политцентра лишь недавно обратились исследователи [Новиков 2005; Берснева]. Еще меньше известно о финансовой политике новой структуры. Некоторые подробности о реформировании финансово-кредитного управления в этот

ШАХЕРОВ Вадим Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Россия). E-mail: wodalis@yandex.ru.

период можно найти в статье Д. И. Петина, посвященной жизни и деятельности видного сибирского экономиста и исследователя А. И. Погребецкого [2014: 435–454]. Между тем краткая история деятельности Политцентра, занявшая чуть более месяца, позволяет судить о новых подходах к формированию экономического блока в Восточной Сибири, позднее реализованных властями ДВР. Не менее интересны первые шаги в этой сфере Советской власти, перехватившей управление в Приангарье у Политцентра. Следует понимать, что в основе реформирования лежала не только радикальная смена политических парадигм, но и кризисное состояние экономики региона, характеризующееся полным крахом рынка и дефицитом денежной наличности.

Известно, что в период падения колчаковского режима Иркутск превратился в один из главных в Сибири оппозиционных центров. Здесь собрались противники власти из различных мелкобуржуазных политических партий. Многие из эсеров служили в различных губернских учреждениях и частях Иркутского гарнизона. Особенно сильными их позиции были в городском управлении. Вместе с армией Колчака Иркутск наводнили тысячи беженцев, кроме того, сюда были эвакуированы различные государственные учреждения, казначейства, банки со всем имуществом и служащими с членами их семей. 14 ноября 1919 г. в город в полном составе прибыло Омское правительство, заняв здание Русско-Азиатского банка. В этой ситуации эсеры активизировали деятельность по подготовке восстания против Колчака. Еще 12 ноября в Иркутске по инициативе местной земской управы было созвано Всесибирское совещание земств и городов, на котором был образован Политический центр во главе с видным эсером Р. Р. Федоровичем. В конце декабря 1919 г. эсеры подняли восстания в Черемхово, Нижнеудинске и Балаганске, а к 5 января 1920 г. был освобожден Иркутск. У Тихвинской церкви, перегораживая Амурскую, вы-

строились цепи патрулей, опасаясь нападения на Государственный банк семеновцев. Нападение было отбито и золотой запас сохранен. Еще раз здание банка было укреплено и огорожено проволочными укреплениями спустя месяц, когда существовала опасность взятия города остатками колчаковской армией – каппелевцами [Романов 1994: 379–380].

На следующий день после восстания опубликована декларация Политцентра о взятии власти на территории от Красноярска до Иркутска. Был образован Временный совет Сибирского народного управления, в который вошли 8 человек от Политцентра, 6 представителей от земства, по 3 от городского самоуправления, кооперации, профсоюзов. Совет провел реформу колчаковского управления, объявил о передаче в руки государства каменноугольной промышленности, транспорта, установил контроль над промышленностью и торговлей. 15 января после переговоров командование чехословацкого корпуса под гарантии свободного проезда на восток передало Политцентру эшелон с золотым запасом и арестованных в Нижнеудинске А. В. Колчака и премьер-министра В. Н. Пепеляева. Таким образом, переход власти от Колчака к большевикам в Иркутске имел свои особенности. В течение месяца власть в городе дважды менялась, что не могло не оказать влияния на все сферы политической и хозяйственной жизни. Так, руководство финансовой жизнью губернии последовательно переходило из рук колчаковского Минфина в руки уполномоченного по ведомству финансов Политцентра и, наконец, к комиссару финансов, а затем заведующему финотделом губревкома. Техническим аппаратом, которым пользовались все эти сменяющие друг друга власти, был департамент государственного казначейства Омского правительства и его подразделения в Иркутске.

Финансовое ведомство во Временном совете возглавил опытный экономист А. И. Погребецкий, которому

удалось в столь короткие сроки провести реформирование всего финансового хозяйства. До недавнего времени имя это было известно только некоторым историкам и коллекционерам сибирских денежных знаков периода Гражданской войны благодаря его работам, изданным в эмиграции [Погребецкий 1924]. Однако он достаточно ярко проявил себя и как политический и финансовый деятель. Родился А. И. Погребецкий в Иркутске, в скромной еврейской купеческой семье. Еще будучи гимназистом, примкнул к местной эсеровской организации и даже был выслан под надзор полиции в Томск. С 1913 г. вновь в Иркутске, активно сотрудничает с местной прессой, занимается кооперативным движением. Пик профессиональной и политической карьеры приходится на период революции и Гражданской войны. В составе делегации от Иркутска он принимал участие в I съезде городов Восточной Сибири, а уже летом 1917 г. был выдвинут от местной эсеровской организации кандидатом в члены Всероссийского учредительного собрания. С открытием в октябре 1917 г. в Иркутске Московского народного банка он становится его управляющим. Заметно растет его политическая активность, и не случайно И. И. Серебренников в своих мемуарах называет его «видным иркутским эсером» [2003: 483]. Не забывает он и опыт кооперативной работы. Так, вместе со своим единомышленником А. В. Поповым осенью 1918 г. он выступил инициатором создания кафедры кооперации при только что созданном Иркутском государственном университете. С этой идеей они обратились к министру народного просвещения В. В. Сапожникову, который горячо поддерживал их [Петин 2014: 440].

Включение А. И. Погребецкого в состав правительства Политцентра оказалось вполне оправданным. Им была проделана большая работа по приемке дел бывшего Колчаковского правительства. На заседании 5 февраля 1920 г. ему было поручено изучить вопрос со штата-

ми государственных финансовых учреждений и представить предложения по их реорганизации, что было сделано уже на следующий день. Прежде всего под контроль новой власти был взят финансовый сектор. Уже 9 января 1920 г. в иркутское отделение Госбанка поступило распоряжение производить оплату переводов, ассигновок и чеков только по согласованию с уполномоченным Политцентра. Предлагалось немедленно представить в общую канцелярию ведомства финансов реестр сумм и ценностей, принадлежащих казенным распорядителям и правительственным учреждениям. И, наконец, оплату переводов, чеков, вкладов и ценностей частных лиц и фирм производить беспрепятственно, сообразуясь с денежными ресурсами отделения [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 1072. Л. 2]. В связи со значительным сокращением подведомственной Политцентру территории и объема работ проведена реорганизация колчаковского Минфина, приведшая к значительному сокращению служащих. Взамен образовано Центральное финансовое управление, состоявшее из 5 подразделений: секретариата; управления налогов и сборов; временного управления государственным и земельными банками; отдела государственного казначейства; главного управления сберегательными кассами. В составе секретариата были созданы финансовое отделение, подотдел финансирования и распределительное отделение. В управление налогов и сборов входили отделение прямых налогов, монопольно-акцизное отделение, железнодорожный и таможенный отделы. Рядом приказов уполномоченного Политцентра А. И. Погребецкого намеченная схема отчасти была введена в жизнь [Там же. Д. 11. Л. 103].

Значительную часть работы финансового ведомства составляло текущее финансирование по ранее утвержденным статьям с некоторой их корректировкой. Всего за период с 5 января по 12 февраля 1920 г. было выдано кредитов на сумму 1196780767 руб. [Там же. Л. 22]. В том

числе управляющему Политцентром на текущие расходы – 1,5 млн руб., ревкому – почти 5,7 млн руб. Наиболее крупные кредиты были предоставлены ведомствам путей сообщения – около 427 млн руб., продовольствия и снабжения – 410 млн, военному – 229 млн. На все это пришлось почти 88 % расходов. За счет ассигнований по сметам ведомств продовольствия и частично путей сообщения произведены закупки продовольствия и имущества у чехословацких войск. Остальные расходы были значительно меньше. На развитие торговли и промышленности отпущено 18,8 млн руб., на образование – 10,9 млн, здравоохранение – 5 млн руб.

Кроме того, Политцентром было приостановлено кредитование морского ведомства, а также разрешено производить бескредитные расходы. Циркулярным письмом от 24 января на отделения банков возлагалось предоставление годовых смет на расходы по Иркутской губернии и Якутской области. Последнее распоряжение просто невозможно было выполнить. Территория губернии была ареной боевых действий, курс денежных знаков быстро падал, цены росли, органы старой власти переживали процесс ликвидации, а новые еще только формировались. Поэтому советское руководство признало утопическими требования о годовых сметах и, стараясь не допускать бескредитных расходов, предложило перейти к регулированию их путем разрешения кредитов по месячным сметам, которые должны были подвергаться тщательному рассмотрению сметной комиссией из представителей комиссариата финансов, госконтроля и заинтересованных ведомств.

Многое из задуманного не удалось завершить, так как Политцентр просуществовал менее месяца. Но и после передачи власти Советам А. И. Погребецкий оставался заметным политическим деятелем и экономистом. В связи с исполнением должности управляющего Московским народным банком ему пришлось

задержаться в Иркутске еще на несколько месяцев, чтобы привести в порядок дела банка и провести его национализацию. Приказом губфинотдела 27 марта была создана ликвидационно-техническая коллегия по национализации частных и акционерных банков. В нее вошли представители от госконтроля, расчетно-кассового подотдела, а также делегаты от самих банков с совещательным голосом: А. И. Погребецкий (Московский народный банк), В. И. Ермаков (Волжско-Камский банк), Г. И. Коберман (Русско-Азиатский банк), П. И. Исаев (Сибирский торговый банк), К. Ф. Лыткин (банк Е. Медведниковой) и И. И. Бланков (Общество взаимного кредита) [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 119. Л. 31]. Созданная коллегия должна была немедленно приступить к ликвидации частных банков, в т. ч. сократить их штат с оставлением необходимых людей для работ по ликвидации. В коллегию поступили все дела и переписка, касающаяся предшествующих работ в этой области. Задачами ее было определение реального баланса банков, за счет активов которого должны быть удовлетворены вкладчики из числа трудового населения, вложившие свои сбережения до 1 июня 1918 г. (т. е. до падения Советской власти).

После завершения дел по ликвидации иркутского отделения Московского народного банка в Иркутский госуниверситет были переданы старинные медные монеты, ценности омского и пермского отделений возвращены по местам их нахождения, чековые книжки и другие банковские документы, а также вклады и переходящие ценности были подготовлены для отправки в Дальневосточную республику, где банк продолжил свою работу. Вероятно, вместе с остатками документов в Верхнеудинск уехал и А. И. Погребецкий. Следует отметить, что даже в этот сложный для себя период он находил время заниматься научной деятельностью. Сразу после ликвидации Политцентра 28 января он обращается к руководству Иркутского военно-революционного комитета с просьбой разрешить

доступ к архивам и делопроизводству бывшего колчаковского финансового ведомства. Прошение было удовлетворено и ему даже позволили снимать копии с интересующих документов [Петин 2014: 443]. Возможно, уже в это время, когда в его руках были ведомственные архивы, у него появились планы подготовки книги о событиях экономической и эмиссионной жизни в Сибири и на Дальнем Востоке. Любопытно, что подобное разрешение было предоставлено также известному экономисту и общественному деятелю эсеру И. А. Лаврову (1871–1942), который после Февральской революции был назначен комиссаром Временного правительства по Иркутской губернии. В 1918 г. входил в состав Временного Сибирского правительства, а затем возглавлял правительство автономной Сибири на Дальнем Востоке. Позднее, в 1922–1924 гг., занимал должность заместителя народного комиссара финансов Бурят-Монгольской АССР. Эмигрировал в Китай, где работал в Харбине кассиром.

В условиях жесточайшего финансового и денежного кризиса Политцентр продолжил эмиссионную политику, выпуская в обращение «сибирские» деньги. Напомним, что в Иркутске еще при старой власти было создано временное отделение Экспедиции заготовления государственных бумаг, которое возглавлял опытный специалист С. С. Ермолаев. Под его руководством на базе типографии военно-топографического отдела была открыта фабрика по изготовлению денежных знаков. Только за январь – февраль 1920 г. на ней было напечатано различных денежных знаков и купонов более чем на 1,2 млрд руб.

Активно использовали мощности иркутской типографии и советские власти. Уже в конце февраля 1920 г. заведующий губфинотделом обратился в Сибревком с предложением продолжить печатание денежных суррогатов. В распоряжении новой власти оказался остаток бумаги, приготовленной для колчаковских кредиток 5 и 10 руб. без сетки верхнего рисунка и

текста [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 227. Л. 9]. Он предложил распечатать эти кредитки с новым рисунком и другими подписями. Была также бумага для краткосрочных обязательств, которой хватило бы для выпуска купонов на сумму до 500 млн руб. при печатании листов достоинством не выше 1 тыс. руб. В ответной телеграмме из Омска сообщалось, что необходимо разрешение Москвы. В итоге оно было получено, и иркутская фабрика по изготовлению денежных знаков заработала на полную мощность.

Восстановление Советской власти привело к очередному кризису денежной наличности. В соответствии с решениями Совнаркома запрещалось хождение всех видов белогвардейских денежных знаков. Недействительными также объявлялись квитанции о сдаче в обмен «керенок» и местных денежных знаков, выданные колчаковским Минфином. Ликвидация старых структур и создание новых органов власти требовали времени, а введение российских законов, в т. ч. о национализации промышленности и частных банков при полном прекращении приема в платежи сибирских краткосрочных обязательств, привело к новой инфляции и падению рынка. Население кинулось спасать свои деньги не только на рынках. У сберегательных касс выстроились огромные очереди из людей, желавших открыть вклады. Первое время кассы принимали всю предлагающуюся наличность, поскольку не было специальных указаний, вводивших ограничения на такие операции. После объявления о запрете старых денежных знаков цены сразу резко выросли. Люди обратились к бартеру, обменивая вещи на продовольствие. В Иркутске имели место погромы китайских торговых лавок, во время которых население насильно отбирало товары, предлагая в уплату отмененные «сибирки». В летописи Н. С. Романова записано: «18 февраля объявлено об аннулировании сибирских денег. Всеобщая паника по случаю уничтожения сбережений. Базары пусты. Сибирь»

ские деньги не берут, а романовских керенок нет» [Романов 1994: 394].

В адрес иркутского отделения Государственного банка, всех частных и кооперативных банков, казначейства и сберкасс была отправлена телеграмма № 1 за подписью завфинотделом губревкома В. И. Бисенека, которой запрещалось производить любые банковские операции впредь до особого распоряжения [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 152. Л. 1а]. Кроме того, от отделения Народного банка затребовали точные сведения о движении кассовой наличности с указанием, из каких источников и какими видами денежных знаков произведены были перечисления в приход кассы. Также предписывалось произвести учет всех находящихся в кладовых банка денежных знаков и подлежащих хождению на основании декретов Советской власти краткосрочных обязательствах казначейства царского и колчаковского периодов.

Ситуацию усугубляло то, что других денег в Сибири в первые месяцы после прихода красных не было. Более того, в Иркутске Советская власть не просто использовала денежные знаки бывшего Российского правительства, но и продолжала выпускать их со своими штемпелями до 17 февраля 1920 г., расплачиваясь с населением новыми, только что выпущенными с печатного станка «колчаковками». Иркутский губернский революционный комитет объявил о прекращении хождения этих денег 18 февраля 1920 г., одновременно с прекращением их печатания. К «хитрым» вкладчикам, успевшим накануне ухода «белых» или в первые дни после прихода «красных» зачислить свои деньги на счета сберегательных касс, тоже были применены меры конфискации. На основании циркуляра Сибревкома от 25 марта 1920 г. «О ликвидации частных банков» все вклады, внесенные в кассы с 1 июня 1918 г. (эту дату решили считать единым днем падения Советской власти в Сибири) и до объявления об аннулировании «сибирских» денег в данной местности, не подлежали

выдаче. Следует добавить, что аннулированные Советской властью старые деньги в этот период массово направлялись в Забайкалье для нужд Временной земской власти. И только после официального утверждения ДВР иркутская денежная фабрика получила заказ на изготовление для нее новых денежных знаков [Петин 2012: 47].

Взяв власть, Иркутский ревком обязался созвать 25 января Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, беспрепятственно пропустить на восток чехословацкие войска при условии передачи золотого запаса и, наконец, обеспечить личную неприкосновенность представителям демократии, боровавшимся против Колчака. В ночь с 1 на 2 марта 1920 г. Иркутск покинул последний эшелон чехословацких войск. Еще через несколько дней, 7 марта, в город торжественно вступили части 30-й дивизии 5-й Красной армии. Располагая всей полнотой власти, Иркутский губревком с первых дней взял курс на ликвидацию старых структур управления и организацию новых органов власти. Но организационный период проходил сложно и затянулся почти на весь год. В первое время были задействованы структуры, созданные еще Политцентром. Кроме того, необходимо было завершить некоторые его начинания. Это касалось, прежде всего, охраны и возвращения золотого запаса, захваченного при отступлении Колчака в Иркутске. Постановлением губревкома за подписью Я. Д. Янсона от 26 февраля 1920 г. все золото и деньги, обнаруженные в поезде Колчака, были переданы в иркутское отделение Госбанка. Для их приемки была сформирована особая временная комиссия из представителей губфинотдела, органов государственного контроля, совета профсоюзов Забайкальской железной дороги и ГубЧК. В период с 27 февраля по 3 марта было принято от белочехов 5143 ящика и 1678 мешков и перегружено в 13 вагонов американского типа. Большинство мешков просто сгнили или по другим причинам

пришли в негодность. Поэтому было принято решение перегрузить золото в ящики. На материал и изготовление ящиков был отпущен аванс в сумме 168 тыс. руб. Учитывая, что уполномоченный чехословаков дал согласие на производство этих работ своими силами, заведующий финотделом добился разрешения открыть срочный кредит в 50 тыс. руб. на приобретение материалов для изготовления ящиков и 100 тыс. руб. на проволоку, бечеву и т. п. для упаковки и перегрузки золота [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 42. Л. 24]. 22 марта поезд с золотым запасом во главе с комиссаром Казановским был отправлен на запад и 3 мая благополучно прибыл в Казань. Всего было отправлено свыше 19 тыс. пудов золота на сумму 409626103 руб., из них монетами – 396620743 и слитками на 13005359 руб. [Там же. Д. 11. Л. 103об.].

Перед назначенным в первый же день перехода власти к большевикам 21 января 1920 г. приказом № 1 комиссаром финансов В. Литвиновым были поставлены задачи ликвидации старых финансовых учреждений, сохраняя при этом исправное обеспечение вновь создаваемых советских учреждений кредитами и дензнаками. 17 февраля 1920 г. вышло постановление губревкома об образовании финансового отдела. Первое время техническим аппаратом продолжал быть Департамент казначейства, а с 1 марта – ликвидационная комиссия последнего. Только с 24 марта, после ликвидации местных финансовых учреждений, был образован губфинотдел, который возглавил большевик В. И. Бисенек.

Постановлением губревкома от 3 марта 1920 г. ликвидированы все центральные учреждения Минфина бывшего правительства, кроме экспедиции заготовления государственных бумаг. Для составления отчетов и обзора деятельности отдельных департаментов оставлены временные ликвидационные штаты с небольшим количеством работников сроком на один месяц. В Омск и по местам прежней службы была реэвакуирована

значительная часть служащих как государственных структур, так и частных банков. Первый эшелон в составе около 300 служащих с делами и ценностями бывшего Минфина в количестве 128 мест был отправлен в Омск 23 апреля. Второй эшелон с 50 бывшими работниками частных банков отправлен в мае [Там же. Л. 103]. В конце марта началась ликвидация местных финансовых органов: казенной палаты, акцизного управления, казначейства и отделения Госбанка. Большая часть их служащих получила назначение в губернские и уездные финотделы. Делопроизводство и отчетность ликвидируемых учреждений переданы соответствующим подотделам. Вся эта работа производилась параллельно с текущей и только 10 июня 1920 г. была образована особая комиссия для ликвидации счетов старого баланса, приведения в порядок отчетности бывших финансовых учреждений и перехода к новому порядку счетоводства.

В первые дни новой власти финансовая политика велась без какого-то четкого плана, отсутствия рекомендаций и правового обеспечения из центра, что приводило к поспешным и непродуманным решениям. Чтобы не парализовать всю финансовую деятельность в условиях неразберихи и дефицита денежной массы, комиссару финансов В. Литвинову пришлось пойти на некоторое ослабление вмешательства в банковскую сферу. Его постановлением от 1 февраля 1920 г. отменялось предварительное распоряжение о закрытии частных банков и ограничении денежных выдач с текущих счетов. Предлагалось возобновить деятельность частных банков, производя при этом учет имеющейся в них кассовой наличности и всех ценностей, принадлежащих как самим банкам, так и клиентам. Все находящиеся в частных, общественных и кооперативных банках ценности и денежные средства (деньги, процентные бумаги, золотые и серебряные изделия, иностранная валюта) должны быть представлены в описях в Госбанк впредь до

особых распоряжений. Всем банкам и казначействам разрешалось производить выдачи денежных сумм еженедельно в размере 5 тыс. руб. по каждому счету. Суммы свыше 20 тыс. зачислялись на текущий счет клиента. Выдачи свыше 20 тыс. в месяц частным лицам и предприятиям на заготовку сырья и материалов и другие производственные расходы, а также на зарплату рабочим и служащим можно было производить только по согласованию этих расходов с соответствующим комиссариатом. Выдача с текущих счетов правительственных учреждений производилась без ограничений по разрешительным документам, подписанным комиссаром соответствующего ведомства и учреждения. Ограничения по выдаче средств касались только частных лиц, но не кооперативных учреждений, органов местного самоуправления и профсоюзов. Исполнение и контроль за соблюдением этого постановления были возложены на отделение Госбанка [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 11. Л. 4–4об.].

Губфинотдел отдал распоряжение иркутскому отделению банка перейти с 19 февраля на новый баланс – баланс Народного банка. По нему, как и ранее, должны были проводиться все операции. Все суммы старого баланса в дензнаках, а также золото, серебро и другие металлы должны быть перечислены на соответствующие счета нового баланса. По старому балансу проводились только взносы в аннулированных старых деньгах [Там же. Л. 10]. В дополнение к этому из Москвы поступила директива, предписывающая иркутскому отделению перечислить в оборотную кассу нового баланса все имеющие хождение и числящиеся на разных счетах годные к обращению дензнаки: романовские, керенки, облигации Займа Свободы, билеты Государственного казначейства, купоны и т. п., числящиеся в оборотной кассе старого баланса. В дальнейшем было решено старый баланс бывшего Народного банка с действующими на 18 февраля счетами продолжать вести параллельно с новым для посте-

пенной ликвидации сумм, числившихся на старом балансе, путем перечисления жизненных сумм на новый или снятия их со счетов, как нежизненных и подлежащих аннулированию. Кроме того, появилась необходимость открыть на нем особый счет по ликвидации. Он должен был так и называться – «счет по ликвидации старого баланса» [Там же. Л. 72].

Следует отметить, что деятельность иркутского отделения происходила в сложных условиях реорганизации всей финансовой структуры страны. Еще в 1919 г. банковские функции Народного банка РСФСР были сведены к минимуму, превратив его в единый расчетно-кассовый орган республики. Натурализация хозяйственных отношений, внедрение безденежных расчетов между государственными предприятиями и учреждениями, а также обесценение денег привели к значительному сокращению и упрощению функций финансовой системы. С конца 1919 г. отделения банка постепенно реорганизовывались в подотделы губернских и уездных финансовых органов, а 19 января 1920 г. Народный банк РСФСР был упразднен. Его активы и пассивы были переданы Центральному бюджетно-расчетному управлению Наркомата финансов.

Постановлением губревкома от 29 февраля 1920 г. все остатки действующих кредитных смет с 1917 по 1920 г. по всем кредитам, в т. ч. продолжающимся, и по текущим обыкновенным и чрезвычайным гражданским и военным сметам, находившимся на счетах Главного, Иркутского губернского и уездных казначейств к 18 февраля 1920 г., а также по счетам Иркутской казенной палаты предписывалось закрыть. Одновременно должны были быть закрыты счета правительственных учреждений, должностных лиц и военных частей. Денежная наличность, находящаяся на них, подлежала немедленной сдаче в иркутское отделение Народного банка [Там же. Д. 20. Л. 7]. Неисполненные ассигновки и требования по подлежащим закрытию

кредитам предлагалось вернуть без исполнения распорядителям кредитов. Все денежные суммы, имеющиеся в распоряжении правительственных, общественных и сословных учреждений и должностных лиц, – спецсредства, фонды, депозиты и т. п. перечислялись в доход казны. Разрешалось принимать к оплате только такие чеки и ассигновки, на которых имелся гриф учреждений отдела Государственного контроля.

Особым распоряжением запрещалось бескредитное выделение денежных средств. На первый месяц органам новой власти Сибревкомом был открыт аванс в 200 млн руб. с требованием жесточайшей экономии. Эту сумму необходимо было разбить по расходам на параграфы: содержание служащих, хозяйственные и канцелярские расходы и проч. В связи с аннулированием сибирских денег было приостановлено действие всех разрешенных до 18 февраля кредитов. Постановлением от 19 февраля было предложено всем отделам губревкома в 3-дневный срок внести в отделение Народного банка остатки сумм, имевшиеся в кассах и у подотчетных лиц. Так как они остались без всяких средств, им рекомендовано было вести свою деятельность исходя из месячного кредитования. В виде исключения Сибревком разрешил до 1 апреля производиться в Иркутской губернии расходы бескредитно на содержание личного состава, канцелярских, хозяйственных и дорожных нужд по утвержденным нормам. Такой порядок был продолжен в апреле, мае и июне. С июля расходы стали производиться по кредитам. Уже к 4 марта сметной комиссией была выполнена работа по определению необходимых расходов для губернии. Они составили для Иркутского, Черемховского, Нижнеудинского, Балаганского, Киренского, Верхотурского и Бодайбинского уездов 32,5 млн руб. и еще 498 тыс. руб. для аймаков Тункинского, Ангарского и Эхирит-Булагатского.

При бескредитном финансировании увеличивалась роль сметной комиссии,

которая старалась экономить средства, тщательно проверяя все заявленные расходы. Так, до 1 июня 1920 г. губревкомом на текущие расходы было запрошено 756343988 руб. 66 коп., но комиссия согласовала только 515819198 руб., т. е. около 68 %. Следует отметить, что ревкомовские структуры не всегда точно учитывали свои потребности, зачастую значительно их превышая. Сметная комиссия учитывала это и беспощадно резала. Так, в июне из 87189141 руб. 50 коп. было согласовано всего 37705534 руб. 80 коп., т. е. 43 %.

Для Советской власти было очевидным, что необходимость в кредитной системе отпадает. В условиях ликвидации частной собственности и рынка место кредита замещалось плановым снабжением. После ликвидации Государственного банка и других финансовых структур все они были сведены в единый расчетно-кассовый аппарат республики. В Иркутске заведующим вновь образованным из прежних финансовых учреждений расчетно-касовым подотделом финуправления губревкома был назначен И. С. Соснин, ранее возглавлявший комитет служащих иркутского отделения Госбанка. При этом и сам подотдел разместился в восстановленном здании Госбанка, включив в себя основной состав служащих и работников, все делопроизводство и документацию. Даже служебная переписка подотдела некоторое время осуществлялась на бланках бывшего отделения, на которые сверху ставился новый штамп.

Расчетно-кассовый подотдел отвечал за сохранность и проверку наличности и разных ценностей, сосредоточенных в подведомственных ему кассовых учреждениях, создавал и контролировал деятельность местных финансовых подразделений, а также наблюдал за исполнением финансового законодательства в пределах Иркутской губернии и Якутской области. В его ведение входило устройство сберегательных касс, охрана кассовых учреждений, порядок денежного хранения, приема и выдачи цен-

ностей, установление норм наличности, распределение, снабжение и передвижение денежных сумм между отдельными кассовыми учреждениями, размен дензнаков и их ликвидация, продажа гербовых знаков, торговых и промышленных регистрационных карточек, прием золота, драгоценных металлов и иностранной валюты. Он же занимался вопросами кредитования госучреждений, предприятий и кооперации, формирования депозитов и спецсредств, ведения частных и общей кассовой книги по приходу и расходу денежных сумм, лицевых счетов и т. п.

Фактически функции распределения кредитов взяла на себя местная власть. Губфинотдел своими постановлениями определял, кому выдавать средства. Среди первых крупных кредитов губревком своим постановлением от 20 февраля 1920 г. потребовал от финотдела открыть текущий счет ЧК в размере 500 тыс. руб. и выдать заведующему губЧК Чудновскому чековую книжку. Одновременно аванс в 5 млн руб. был предоставлен штабу Восточно-Сибирской армии. Еще один кредит в размере 10 млн руб. выделен отделу труда и социального обеспечения [ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 18. Л. 7]. 3 марта на основании телеграфного распоряжения председателя Сибревкома и Военного совета 5-й армии был открыт спецкредит в размере 200 млн руб. на нужды по организации Советской власти в Забайкалье. Все расходы по кредиту должны производиться только по разрешению уполномоченного по делам Советской власти А. А. Ширямова [Там же. Л. 14]. Кроме того, по представлению заведующего губфинотделом расчетной кассой выдавались наличные деньги казначею Иркутской стрелковой дивизии в сумме 300 млн, помощнику военкома штаба главнокомандующего Прибайкальской народно-революционной армией Кузьмину – 100 млн, управляющему Забайкальской железной дорогой – 20 млн руб. [Там же. Д. 152. Л. 6–7]. Для выполнения текущей работы по открытию кредитов финансовым отделом Губ-

ревкома была оставлена временно часть служащих бывших центральных и местных учреждений, а из самих учреждений функционировало после краткого перерыва, необходимого для учета и проверки наличности, только отделение Госбанка, переименованное в расчетную кассу.

Основная деятельность расчетно-кассового подотдела состояла в удовлетворении денежных потребностей местных государственных учреждений. Государственные расходы за первую половину 1920 г. составили более 2,3 трлн руб., общее число операций по ним – 8151 [Там же. Д. 11. Л. 105об.], основная часть была направлена на выдачу содержания личному составу учреждений. При этом доходы были заметно меньше и едва достигли 275 млн руб. по 5921-й приходной статье. Источниками их были возврат неизрасходованных сумм (до 70 млн руб.), возмещение за полученные от учреждений продукты, товары и хозяйственные принадлежности, а также за разного рода услуги. Общее количество операций по расчеткассе составило 18 тыс. при средней посещаемости подотдела клиентами от 100 до 150 чел. в день. Дефицит бюджета возмещался эмиссионной деятельностью, а также денежными подкреплениями из Москвы.

Таким образом, нестабильность политической ситуации выразилась в частой и стремительной смене различных политических структур в течение декабря 1919 – январе 1920 г. Одной из главных задач Политцентра было подписание договора с Советским правительством и Сибревкомом об образовании государства-буфера в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке со столицей в Иркутске. Затем эти планы были скорректированы и реализованы в виде Дальневосточной республики с территорией от Байкала до Дальнего Востока, просуществовавшей до конца 1922 г. Политцентру и сменившему его губревкому пришлось столкнуться не только с серьезным политическим кризисом, но и с полным развалом финансов и экономики. Несмотря

на то что Политцентр просуществовал всего месяц, его руководству удалось решить некоторые задачи по реформированию экономической сферы и оптимизации управления. Продолжены эти мероприятия были уже Советской властью, использовавшей меры жесткого администрирования всей кредитно-финансовой системы, что позволило избежать полного развала местного хозяйства и наметить пути выхода из экономического кризиса.

Источники и литература

- Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
Берснева И. Иркутское восстание конца 1919 – начала 1920 гг. [Электронный ресурс] / И. Берснева. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1863.html (дата обращения: 24.04.2018).
Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.
Петин Д. И. Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920 г.: новые факты / Д. И. Петин // Новейшая история России. – 2012. – № 2. – С. 41–56.
Петин Д. И. Александр Иванович Погребецкий. Неизвестные факты жизни и деятельности / Международный институт истории денежного обращения; Д. И. Петин; науч. ред. О. В. Парамонов // Альманах общества «РОИ». Кн. II: Сборник научных трудов по истории денежного обращения. – М., 2014. – С. 435–454.
Погребецкий А. И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока периода войны и революции (1914–1924) / А. И. Погребецкий. – Харбин: Книжное дело, 1924. – 419 с.
Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов; сост. Н. В. Каликаускене. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.
Серебренников И. И. Гражданская война в России. Великий отход / И. И. Серебренников. – М.: АСТ, 2003. – 704 с.

References

- Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO).
Bersneva I. Irkutskoe vosstanie konca 1919 – nachala 1920 gg. [Elektronnyj resurs] / I. Bersneva. – Rezhim dostupa: http://scepsis.net/library/id_1863.html (data obrashcheniya: 24.04.2018).
Novikov P. A. Grazhdanskaya vojna v Vostochnoj Sibiri / P. A. Novikov. – M.: Centrpoligraf, 2005. – 415 s.
Petin D. I. Emissionnaya politika dal'nevostochnogo «bufera» v 1920 g.: novye fakty / D. I. Petin // Novejshaya istoriya Rossii. – 2012. – № 2. – S. 41–56.
Petin D. I. Aleksandr Ivanovich Pogrebeckij. Neizvestnye fakty zhizni i deyatel'nosti / Mezhdunarodnyj institut istorii denezhnogo obrashcheniya; D. I. Petin; nauch. red. O. V. Paramonov // Al'manah "ROI". Kn. II: Sbornik nauchnyh trudov po istorii denezhnogo obrashcheniya. – M., 2014. – S. 435–454.
Pogrebeckij A. I. Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka perioda vojny i revolyucii (1914–1924) / A. I. Pogrebeckij. – Harbin: Knizhnoe delo, 1924. – 419 s.
Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg. / N. S. Romanov; sost. N. V. Kalikauskene. – Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1994.
Serebrennikov I. I. Grazhdanskaya vojna v Rossii. Velikij othod / I. I. Serebrennikov. – M.: AST, 2003. – 704 s.